

Труд. - 1998, - Вспр. - с. 8

КУЛЬТУРА

ГОСТИНАЯ

Пожалуй, трудно найти в нашей стране человека, который бы не видел мультсериал "Ну, погоди!" или мультфильмы о попугае Кеше. Между тем это только часть созданного писателем Александром Курляндским. Кроме сценариев к мультфильмам, он пишет пьесы, книги прозы. Вместе с Эдуардом Успенским он написал книгу "Последний чемпион земли". Сегодня Александр Курляндский — наш гость.

АЛЕКСАНДР КУРЛЯНДСКИЙ:

ЮМОР —

ЭТО СОСТОЯНИЕ ДУЖА

— Александр Ефимович, вы могли бы вслед за классиком сказать, что всем хорошим в себе вы обязаны книгам?

— Всем ли — не знаю, но многим — точно. Читать я любил всегда. И в детстве, накрывшись одеялом, читал при свете фонарика. Первым серьезным увлечением, которое длится и поныне, был и остается Чехов. В юности увлекался Ильфом и Петровым, О'Генри, Жюль Верном. Из современных писателей, если его можно назвать современным, люблю Булгакова.

— Однако, как выяснилось, вы не только читатель, но и писатель. Сегодня мы, кстати, представляем в "Книжном клубе" вашу книжку "Последний чемпион земли". Нельзя ли пару слов о ней?

— Мне позвонил Эдик Успенский, спросил, как я смотрю на тему "человек и компьютер", и объяснил, что общался с Гарри Каспаровым, которого эта тема очень волнует. Не знаю, что в тот момент перевесило: познакомиться с Каспаровым — я его шахматный поклонник и сам в студенческие годы "запойно" играл в шахматы — или же писать книгу, где главным героем будет чемпион мира по шахматам. Знакомство с Каспаровым и стало главным стимулом для написания этой книги.

— Ваш герой в сражении с компьютером проигрывает... А вскоре после выхода книги ваш "прототип" Каспаров уступил в поединке компьютеру Deep Blue. Ваши пророчества сбываются!

— Компьютеру, если вы помните, Каспаров проиграл во второй раз. И если эту ситуацию проецировать дальше, то я думаю, что человек обязательно проиграет в шахматы машине. Я слышал мнение людей, которые серьезно занимаются компьютерами, что Каспаров на самом деле последний живой чемпион Земли.

— Грядущая тотальная компьютеризация общества сегодня многих беспокоит.

— Кто-то на это смотрит с оптимизмом, надеясь на разумные человеческие начала, а кто-то, напротив, с опасением и пессимизмом.

— Давайте перейдем от серьезных материй к вещам более понятным и веселым. Ваши персонажи — Волк, Заяц, попугай Кеша по-прежнему смешат народ. Но как они чувствуют себя сегодня, где их новые приключения?

— Попугай Кеша сидит с вами на диване. Недавно он совершил героический перелет из мультфильма в книжку под названием "Вы не были на Таити?", выпущенную издательством "Самовар". Как личность глубоко

ко неординарная, он вновь оказался в самой гуще событий и невероятных приключений. Завершена книга, где действуют старые знакомые Волк и Заяц и еще один малосимпатичный Волк, из чего следует, что это совсем другая история. Называется она "Ну, Бегемот, погоди!"

— Из троих авторов сценария "Ну, погоди!" в Москве остались вы один. Никогда не возникало желание сменить место жительства?

— По своей природе я человек консервативный, особой охоты к перемене мест никогда не испытывал. Я побывал в разных странах, но только здесь я знаю, как и чем живет человек...

— Сегодня по телевизору, к сожалению, редко показывают отечественные мультфильмы. Можно ли как-то противостоять экспансии западной анимации?

— Мы оказались не готовы к "превентивному удару" по отечественному зрителю. Все эти черепашки, нинзя, люди-пауки, космические и прочие негодяи легко завоевали наш рынок. И потащили за собой, по хорошему отработанной схеме, комиксы, игрушки, майки, значки. Кроме морального, это еще и ощутимый материальный ущерб. У нас столько блестящих мастеров, столько интересных идей, персонажей, любимых нашими зрителями, а в итоге наши мастера уезжают или здесь работают на чужого дядю. Кстати, совсем не случайно папа римский в одном из своих выступлений советовал детям на Западе показывать российские мультфильмы, проповедующие идеалы добра и нравственности.

— Как вы считаете, юмор — продукт "скоропортящийся"?

— "Скоропортящийся" продукт — сатира на злобу дня. Юмор вечен, поскольку его природа проистекает из несовершенства человека, его слабостей. Одна связка "муж-жена" способна породить массу забавных ситуаций.

— Сатира и юмор, где здесь лежит водораздел?

— Сатира не обязательно должна быть уморительной. Это, например, может быть гротеск. Сатира может быть страшной, юмор никогда. Если юмор страшный — это уже не юмор. Вообще юмор — это состояние духа.

— Быть сатириком в советские времена было страшно?

— Давайте договоримся сразу: слово "сатирик" ко мне неприменимо. Настоящих сатириков в России раз, два, и обчелся. Меня всегда раздражало, когда на каком-нибудь концерте объявляли: "А теперь выступит

писатель-сатирик". В те времена настоящие сатирики были не на концертах, а в местах более отдаленных. В первую очередь я имею в виду тех, кто выступал против режима, протестовал против социальной несправедливости. Я сатириком был в школе, когда издавал рукописный журнал "Клизма". Девиз его звучал так: "Клизма прочищает запоры и застои в мозгах людей!" Журнал ходил по рукам в единственном экземпляре и имел грандиозный успех. Еще бы! Карикатуры и эпиграммы на учителей! Однажды, когда один из моих читателей слишком громко захохотал на уроке, журнал попал в руки классной руководительницы. Последствия легко себе вообразить. Тогда я понял, что значит ссориться с властью.

— Урок пошел впрок? Вы с ней больше не ссорились?

— Ссорился. На уровне отстаивания текстов. Пропустят — не пропустят, напечатают или нет. Я не из тех людей, кто идет на баррикады. В ту пору, когда сочинял юмористические рассказы, пьесы, я понял, что стену не прошибешь, поэтому нашел свою нишу — мультипликацию.

— И все же сатира у нас в те времена была...

— Была. Даже две. Одна — "самиздатовская", другая — легальная. За первую могли дать срок, за вторую — премию. В те времена были у нас официальные сатирики, их пьесы шли по всей стране, издавались книги. Но это была видимость сатиры. Когда все недостатки приписывались отдельным дуракам, бюрократам, хапугам. Во время оттепели появилась новая генерация сатириков. Они уже критиковали не отдельно взятых дураков, а явления. Стало понятно, кто виноват и почему.

— Если они это понимали, то и власть понимала, что они понимают.

— Заключался негласный пакт о ненападении. Заступать границы дозволенного было нельзя, поэтому тогда, как, впрочем, и сегодня, все чувствуют какую-то неправду. Ныне явно ощутим кризис жанра. Печать, телевидение уничтожили пределы остроты дозволенной сатиры — можно, ничего и никого не боясь, говорить о чем угодно и как угодно. Кризис породил и другое. Многие представители жанра ушли в шоумены, произошла как бы смена призвания. Однако следует помнить, что журналистика, какой бы острой она ни была, все-таки не художественное творчество, и в этом есть надежда сатиры на возрождение.

Беседовал
Александр АРСЕНЬЕВ.